

И ПУСТЬ ВЕСЬ МИР ПОД ДОЖДЕМ

Ева Женева

12+

Ева ЖенеВ

И пусть весь мир под дождем

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Женев Е.

И пусть весь мир под дождем / Е. Женев — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

А что если среди обычных людей нашего мира, есть те, кто наделён Даром Д и может не только пересекать границы миров, но и переписывать события и даже создавать собственные миры? Сильвия просто писала картины для галереи и ничего такого о собственных возможностях даже не подозревала, пока не наступил 2020 год. Вот тогда на пороге ее мастерской и появился странный тип, прячущий лицо под капюшоном. Он вытащил ее на крыши ночного города, научил слышать стены и делать окна Городу. С тех пор Мир перестал быть тем, чем был прежде.

© Женев Е., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Ева Женев

И пусть весь мир под дождем

Часть первая

Глава 1. Откуда взялся До

Первый раз Сильвия увидела До на пороге собственной мастерской. Кажется, лет сто назад.

Как будто вчера.

Дверь резко распахнулась, и проем почти полностью занял мужской силуэт в каком-то дурацком балахоне.

Нежданный гость стоял против света. Вдобавок – объемный капюшон на голове. Натянут примерно до того места, где у людей брови. Наверное, и у него брови, тоже, – вот только не видно. Лицо оставалось в тени.

Входной проем мастерской – стандартного размера. Обычно в нем достаточно пространства, чтобы войти, не застряв. Но этот странный тип заполнил его весь. Узкий просвет остался только сверху, над его головой и плечами.

– Сил-виа?

Акцент непонятного происхождения. Ее имя он произнес жестко, ударение – на предпоследний слог, и почти съел концовку.

Лица было не видно, даже когда незнакомец вошел. Дверь за ним захлопнулась, сверху посыпалась штукатурка.

Неожиданными посетителями Сильвию было не удивить. Она уже привыкла к таким набегам на мастерскую.

Когда работала здесь, телефон с собой не брала. Оставляла дома. То есть дозвониться ей, даже с чем-то срочным – не вариант.

К галеристам же нередко обращались клиенты, которым непременно требовалось пообщаться с художником перед сделкой, уточнить детали, которые им казались существенными. Важными.

Странные люди, что с них взять.

Но некоторые галеристы – свои ребята. Они уверены, что Сильвия не подведет. Поэтому между ними договоренность – при необходимости давать адрес мастерской покупателям.

Не всем, боже упаси, только проверенным. Тем, кто на крючке. То есть, уже внес аванс за картину.

Так вот, этот тип в мешке-балахоне, который «Силвиа?» с ударением на предпоследнем слоге. Он на проверенного не тянул.

Ни в одной галерее он не прошел бы даже этот их face-контроль, не говоря о большем.

Значит, самозалетная птица. Хотя, конечно, будем честны, в своем нелепом костюме он больше напоминал средневекового инквизитора.

Опавшая с потолка труха осела у порога, за его спиной. От нее поднялось едва заметное известковое облачко.

Вообще-то Сильвия терпеть не могла, когда ее сбивали, вытаскивали из работы.

Но этому типу повезло. Он заявился в мастерскую до того, как Сильвия приступила к картине.

Она только что закончила уборку и варила кофе. На настольной плитке, пристроенной на табурет в углу.

Его балахон с капюшоном напоминал мешок, в котором выносят строительный мусор. Еще два неплотно набитых мешка – его штаны.

– Силвия? – повторил голос из-под капюшона.

В джезве как раз поднималась пенка, и нужно было не упустить момент – за секунду до закипания. Если пропустишь, можно выливать, испорчено, и начинать варить заново.

Сильвии это всегда портило настроение, поэтому не стоило лезть ей под руку.

– Силвия? – и опять это раздражающее ударение. Где так говорят вообще?

Одним коротким жестом, свободной рукой, она остановила его. Сосредоточилась на кофейной пенке.

Пузырьки воздуха поднимаются снизу, со дна джезвы, и вот-вот прорвутся через плотную поверхность. Стоп, снимаем.

– Кофе. Будете?

Сильвия держала джезvu в левой руке, а правой уже шарила в навесном шкафу, доставала кружки.

Человек в мешке зашевелился. Потом неловко стянул с головы капюшон.

Густые темные волосы, сильно отросшие, почти до плеч. Намагнитились, поднялись, потом упали. Сантиметровая щетина, еще не борода, но почти.

Да, брови как раз на той линии, до которой доходил капюшон. Все, как и предполагалось.

Сильвия снова поставила джезvu на плитку. Если хочешь получить хороший кофе, дай пенке подняться еще раз.

Широкие темные брови, сросшиеся на переносице. Пересечены двумя глубокими морщинами посередине.

Короткий взгляд на Сильвию, исподлобья.

Черные глаза, как будто одни зрачки, без радужек.

Закрученные вверх ресницы. Густые, от них на лицо падает тень.

– Будете? – повторила Сильвия, показав глазами сначала на джезvu, потом на пару кружек.

Одна – цилиндр с широкими красно-белыми полосами. Вторая – чуть пузатая снизу, кирпичного цвета, потрескавшаяся глянцевая заливка. Сильвия держала обе в одной руке, подвесив на указательном пальце за ручки. Кружки стукались боками.

Пенка снова поднялась, подобралась к краям джезвы.

Незнакомец втянул носом воздух, уже наполненный кофейными парами, и коротко кивнул.

Реакция Майяра в действии.

Сильвия подняла джезvu с плитки, чуть подержала на весу, подождав, когда пена опустится, и снова поставила ее на плитку.

– Да?

Нос у него – ну, можно сказать, был изначально прямой. Сейчас – с едва заметной горбинкой, чуть ниже переносицы. Наверняка, был сломан, вовремя не вправили, хрящ с костью неправильно срослись. Еще и смещение носовой перегородки.

Снова кивнул.

Сильвия дождалась, когда кофе поднимется в третий раз. Сняла, выключила плитку.

Поставила кружки на подоконник. Разлила в них кофе из джезвы, поделив на две равные порции.

Для этого ей пришлось повернуться к незнакомцу спиной.

Но даже так она чувствовала его взгляд.

Хмурый, настороженный.

Сильвия снова повернулась к нему лицом, держа наполненные кружки. И протянула вперед красно-белую – ту, что была в правой руке.

Две сережки в левом ухе. Два тонких серебристых колечка, обхватывающих мочку.

Мочка – совершенной формы.

Такие они рисовали в художке, на первом курсе, когда начинали проходить портрет. Не думала, что и правда бывают у кого-то.

Он протянул руку к другой кружке, глянцево-коричневой. Сильвия держала ее в левой руке.

Длинные фаланги пальцев. Выступающие синие жилки и тонкие пястные косточки под натянутой смуглой кожей.

Такие чувственные кисти рук могли бы быть у музыканта, но не у человека в мешке, бесцеремонно вломившегося и претендующего на ее, Сильвии, личную кружку.

Сильвия сделала вид, что не заметила жеста, и вручила ему полосатую кружку. Тут же быстро сделала глоток из своей, кирпичной.

Кофе обжег язык и губы, на глаза тут же выступили слезы. Реакция на ожог слизистой.

Незнакомец в мешке молча наблюдал за ней. Он не спешил с кофе. Держал кружку, обхватив смуглыми кистями красно-белые полосы.

Головки пястных косточек белели под смуглой кожей.

Гладкие вытянутые ногти у него, как же это называется – такая форма? Миндалевидные, да.

Кружка уже нагрелась, наверняка, а он так вцепился в нее. Не видно ладоней, интересно было бы посмотреть.

Что же тебе, блин, нужно?

Сильвия подняла глаза, вложила во взгляд свой вопрос. Похоже, не уловил. Либо у него свои планы на ход беседы.

Кожа лица загорелая, шелушится мелкими чешуйками вокруг крыльев носа и над верхней губой. Так бывает, когда много времени проводишь на воздухе.

– Что Вы хотели?

Надеялась, что прозвучит вежливо. Получилось так себе.

Гость поднес к губам полосатую кружку и отпил кофе.

Губы у него четко прорисованы. Тоже обветрены слегка, на верхней даже небольшие трещинки, с запекшимися полосками крови внутри. Но контур ровный.

Гость сделал длинный медленный глоток.

Кофе проходит по горлу, шея напрягается, становится виден кадык. Адамово яблоко.

В художке рассказывали, что название произошло из библейской легенды. Ева угостила Адама яблоком, и оно застряло у него прямо в горле. Адам подавился яблоком с древа познания.

– Тебя зовут – Силвия? – спросил он, когда адамово яблоко снова утонуло, исчезло. Когда он благополучно проглотил кофе.

– Сильвия, – поправила она.

Подбородок разрезают две продольные черты, точно такие же, как на лбу, между бровями. Видно даже через щетину. Они как будто отразились на подбородок со лба. Отражение лба на подбородке.

– Желтая картина. Там, в кафе, в центре, за углом, на углу, в углу... Это... твой рисунок?

Ее картины были выставлены в нескольких галереях. Но он говорил про ту, что висела в кофейне, на углу 3-ей Северной и 7-й Западной.

Сильвия написала ее пару лет назад, для Томаса, хозяина заведения.

Томас был частым посетителем одной из галерей, где Сильвия регулярно выставлялась. Каждый раз, когда он не обнаруживал там какую-то из ее картин, по случаю продажи, Томас сокрушался и воспринимал уход картины как личную трагедию.

Он подолгу стоял, уставившись на пустое место на стене, где привык видеть проданную уже картину, печально мотал кудрявой седой головой из стороны в сторону и что-то бормотал себе под нос. Как ребенок, который вернулся домой после прогулки и не обнаружил на месте любимую игрушку, – родители отдали соседскому ребенку, мол, ему нужнее.

Галеристы рассказывали, что Томас каждый раз выбирал картину Сильвии, откладывал деньги на покупку, но скромных доходов от кофейни не хватало даже на авансовый платеж, который позволил бы ее зарезервировать.

Узнав о таком интересе Томаса к ее работам, Сильвия заглянула к нему в кофейню. Галеристы дали адрес и посоветовали заказать двойной эспresso, обязательно с кардамоном.

Кофейня у Томаса была крошечная. Угловое, треугольное помещение с барной стойкой и четырьмя высокими столами. Но запах.

Так пахнет настоящий кофе. Правильной обжарки, правильного приготовления. Без примеси металла и пластика кофемашины. Томас варил кофе сам, в толстостенных джезвах. Медные джезвы разных мастей, от наперстка до среднего ковшика, стояли на полках, висели за его спиной. Они полностью закрывали стену.

Томас выбирал из множества нужную, руководствуясь только ему известными принципами.

К кофе он подавал еще что-нибудь – соленый миндаль, бруснику в сахарной глазури, кофейные зерна в шоколаде.

Томас выдвигал один из ящичков антикварного деревянного комода, стоявшего позади него, у той же стены с джезвами. Запускал в ящичек латунный черпак-лопатку, извлекал на свет угощение. Каждый раз с искренним удивлением рассматривал содержимое черпака, как будто никогда заранее не знал, что там будет.

Кстати, в тот первый раз, вместе с двойным эспresso Сильвия получила «морские камушки» – полупрозрачные драже, напоминающие цветную гальку с морского берега. Обманчиво твердые с виду, на самом деле – мягкие, тающие в глотке горячего кофе.

Денег за сладости Томас не брал. Комплимент.

Эспresso у него, кстати, оказался лучшим в городе. По крайней мере, из тех что она пробовала.

Наметанный глаз Сильвии сразу упал на то самое место, которое Томас определил под картину.

Пустое пятно между высокими, в пол, окнами. Напротив барной стойки. Просматривалось со всех сторон. Картина на этом месте будет видна как посетителям, так и самому Томасу. Хороший выбор. И свет падает как надо.

Даже когда приступила к этой картине, когда делала первые мазки, не знала, что там получится, что нарисует. Так бывало с ней часто, но не всегда.

Как будто картина сама себя пишет, а ты – лишь инструмент, проводник света, отраженного цветом на холсте.

В таких случаях, главное – не сопротивляться. Отключить голову и следовать за сердцем.

В художке учили, что кисть руки, пальцы и ладони – это часть сердца, вынесенная у человека наружу. Рука с кистью может перенести на холст то, что идет из глубины.

Нужно лишь не мешать.

Тогда и получилась та самая «желтая картина», которую она подарила Томасу. Он плакал, обнимал Сильвию, обнимал картину, бормотал что-то, тряс кудрявой седой головой. Притащил стремянку, тут же забил в то самое пустое пятно на стене огромный кованый гвоздь, на таких же висели у него джезвы, и повесил картину.

Торопливо слез со стремянки, чуть не грохнулся, удержали, и отбежал к барной стойке – смотреть на результат.

Вдруг замер, застыл, как будто что-то увидел там, внутри картины, и снова заплакал. Сильвия сначала испугалась за него, но потом увидела, что это слезы радости. Значит, все хорошо.

– Желтая картина – твой рисунок?

Сильвия вернулась мыслями в мастерскую, к странному парню с красно-белой кружкой в руке.

– Кто дал вам этот адрес? – спросила она.

Сначала разберемся, что ты за птица, а потом уже будешь задавать свои вопросы.

– Хозяин того заведения. Где картина.

– Томас?

– Наверно, да. Наверно, Томас. Он дал.

Если адрес дал Томас, значит, у ее гостя должна быть и записка от него. Томас не мог направить к ней человека просто так, без объяснений. Тем более такого... необычного, одетого с ног до головы в мусорные мешки.

Гость непонимающе смотрел на ее протянутую руку. Потом встрепенулся и стал шарить по одежде, на которой не было карманов, откуда они там возьмутся.

Сильвия наблюдала за его бессмысленными потугами, медленно отпивала кофе из своей кружки. Что же с тобой делать, приятель?

– Как я не подумал, – незнакомец прекратил поиски и, кажется, пытался оправдаться. – Вломился. Напугал, наверно, да?

Сильвия коротко кивнула. Да, вломился. Да, напугал немного. По большей части своим видом. Продолжай.

И он продолжил.

Стал снимать штаны-мешки. Прямо перед Сильвией, действительно, что уж мелочиться.

Под мешковиной оказались джинсы. В джинсах карманы. В карманах нашлась и записка от Томаса. Расчехлившийся гость тут же протянул ее Сильвии, и стал зачехляться обратно.

Сильвия с искренним удивлением наблюдала за его манипуляциями, потом не выдержала, спросила:

– К чему эта маскировка?

Гость пожал плечами, потом ответил:

– По привычке. Прячусь.

– В бегах?

– Вроде того.

В центре шеи снова вынырнуло адамово яблоко. Кожа лица подозрительно меняла цвет. Неужели покраснеет?

Сильвия развернула записку.

Томас многословно извинялся и просил Сильвию «не быть к парнишке слишком строгой». Еще было написано, что о цели своего визита он сообщит ей сам.

«Парнишка» – усмехнулась про себя Сильвия. Последнее утверждение зачитала вслух и всем своим видом показала, что ждет объяснений.

Гость отпил кофе и сообщил:

– Мне нужно знать, как ты делаешь это.

– Делаю что?

– Рисуешь.

– Художественная академия. Пять лет.

– Нет, – рассмеялся он, замотал головой, – этому там не учат.

– Тогда не понимаю.

Он развел руками, пытаясь что-то показать, объяснить. Не получалось. Тогда огляделся по сторонам. Его взгляд остановился на холстах, составленных на полу вдоль стены. Там было все подряд – законченные картины, только начатые, брошенные.

– Можно? – спросил он, показывая глазами на холсты.

– Валяй, – дала добро Сильвия.

Все равно от него так просто не избавишься, упертый.

Он тут же рванул к холстам, присел на корточки и начал рассматривать те, что стояли лицом. Сильвия допивала кофе, наблюдала за ним.

Форма головы – правильная, с высокой затылочной костью и ровными затылочными буграми. Шея пропорциональная. Прямая линия позвонков.

– Можно их двигать? Рисунки твои.

Что с тобой делать, двигай. Сильвия кивнула.

– Только не рисунки, а холсты, – поправила она.

Кофе в ее кружке закончился. Это была только половина ее обычной утренней дозы. Нужно сварить еще, иначе энергии на работу не хватит. Сильвия направилась за водой, в подсобку.

Когда вернулась, холсты у стены были все развернуты лицом, а незнакомец держал перед собой в руках одну из готовых картин, внимательно вглядывался в нее.

– Вот, оно. Это я имел в виду.

– Наоборот, – сказала Сильвия.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Нужно перевернуть, – объяснила Сильвия.

– Наизнанку? На оборот?

Сильвия забрала у него холст. Перевернула. Поставила к стене, на пол.

– Этот эффект. Как ты это делаешь, не понимаю.

Эффект отраженного мира. Галеристы называли это «индивидуальным почерком» или «особой техникой», что-то вроде того.

Как будто получались в итоге не сами объекты, а их отражения – в водной глади, мокром асфальте, стекле витрин, струях дождя.

Отражения в воде. Стоит задеть пальцем поверхность и пойдет рябь, все смешается. А когда вода успокоится, в ней отразится что-то совсем иное. Никогда не знаешь что.

Изображенное у нее всегда шло легкой, почти неуловимой рябью, расслаивалось. Как будто картины были окнами в немного другой мир. Чуть-чуть отличный от Твердого мира. Его гибкая, текучая версия.

Но объяснить, каким образом она достигает такого эффекта, Сильвия и правда не могла.

Она всегда так писала. Всегда. По-другому не умела.

– Я так вижу.

– Ну да. Я так вижу, – повторил он. – Отличное объяснение.

– Послушайте, уважаемый. Вы уже достаточно испытывали мое терпение, – разозлилась Сильвия. – Допивайте кофе и будем прощаться.

– Какая же зануда. А с виду не скажешь. И рисуешь так.

Гость взял полосатую кружку и стал торопливо допивать кофе.

Понятно, что это была манипуляция, но все равно ей стало неловко. Захотелось сгладить.

– Понимаете, это не совсем привычная для меня ситуация. Незнакомый человек, в маскировочной одежде, пришел ко мне без приглашения и...

– Все-таки я прав, ты – зануда. Пойду. За кофе спасибо.

Он поставил кружку на подоконник, натянул на голову капюшон и направился к выходу.

Она выдохнула, когда дверь за ним закрылась. С потолка снова посыпалась штукатурка. Сильвия пошла в подсобку за щеткой и совком.

После того, как начали ремонтировать крышу старого промышленного здания, в котором размещалась ее мастерская, потолок стал осыпаться.

Каждое утро Сильвия разгребала завалы, хоронившие под собой ее холсты, мольберты, банки с красками и кистями. Сначала собирала куски осыпавшейся штукатурки в мешки и тащила их через весь задний двор к контейнерам. Потом подметала мастерскую, чистила кисти и холсты, передвигала мольберт и стол с инструментами туда, где потолок уже полностью обвалился.

Но и это не спасало. В следующий раз потолок обвалился на готовую картину, сломался подрамник, частично повредился холст. Не восстановить, придется делать все заново – она этого терпеть не могла.

Пошла к управляющему, тот сначала отпирался, оправдывался. Потом заверил, что скоро это безобразие прекратится, и ее потолок тоже отреставрируют. «Сделаем в лучшем виде, ага. А картина... ну, что я могу сделать. Почините как-нибудь, потом компенсируем».

Сильвия собрала в совок очередные куски потолка, отвалившиеся за время визита странного гостя.

Что это вообще было? Неужели она и правда – как он сказал... зануда?

За последнюю неделю она терпеливо вынесла из мастерской, наверное, уже тонну обвалившейся штукатурки.

А сегодня утром нашла в двери предписание от управляющего: «Немедленно вывезите с мусорной площадки свой строительный мусор». Как же, бегу и падаю.

В душе закипала обида на этого ряженого придурка. Надо же, зануда. Она – зануда. Бред какой-то. Чушь. Неправда.

В дверь стучали.

Кого на этот раз принесло? Не иначе сегодня день открытых дверей.

– Открыто, – крикнула Сильвия, не отрываясь от кофе.

Раздался повторный стук. Чтоб вас всех. Очень вовремя.

Сильвия закричала громче:

– Открыто, входите.

Дверь распахнулась, на пороге снова стоял он. Уже без маскировки. Без всех этих уродских мешков. В джинсах и забрызганной мелкими каплями серой футболке.

– Хочешь сказать, что видишь мир перевернутым?

– Когда работаю, да.

– А сейчас?

– Обычно вижу.

– То есть я сейчас у тебя не вверх ногами?

– Вниз ногами, вверх головой.

– Ну ладно, понятно.

Они пили по второй порции кофе. Он снова рассматривал ее картину – ту самую, которую выбрал из кучи холстов у стены. То отставлял подальше, то приближал к глазам.

– Подожди, но ведь у тебя и с цветом... непонятно вообще, – бормотал он, щурясь на картину, – Откуда берется сияние? Какие-то специальные пигменты?

Сильвия показала в угол, на большой деревянный стол, где были свалены все ее краски, кисти, рабочие палитры. Она в основном писала маслом, реже – акварелью. У нее были хоро-

шие материалы, самые лучшие из тех, что можно найти. Но такими же писали все знакомые художники. Ничего особенного в них не было.

– Значит, ты – алхимик?

Она была – маляр, покрывающий краской, заполняющий цветом многочисленные стены воображаемой комнаты, в которой она оказывалась, когда рисовала. Цвета там, внутри этой ее комнаты, были скорее свет, чем цвет.

И это не комната даже, а камера-обскура, в которую зритель заглянет потом со стороны холста. Глядя на картину снаружи.

– Короч, ты – нереально крутой художник, поэтому... – сказал ей тогда До.

– Да, меня хорошо покупают.

– А вот это вообще не показатель.

– Еще какой показатель. Единственный в мире рыночной экономики.

– Нет. Всего лишь странное совпадение.

– С чего ты взял?

– Ценители искусства, те что покупают картины в галереях, обычно вообще не разбираются в настоящем. Только в дерьме.

Слово «дерьмо» он произносил с сильным акцентом, как и ее имя, не смягчая согласных.

– Ну спасибо на добром слове.

– Я сейчас не про тебя. Не про твои рисунки. Точнее, картины. Или полотна? Как вы их там называете, чтобы правильно?

– Не важно, продолжай.

– Понимаешь, в большинстве этих... как их... да, художников... нет ничего особенного. Там, внутри, – он постучал себя в грудь, – Им нечем поделиться. Нечего предложить миру, кроме собственного дерьма, которым они заполнены по самые уши. Но они все равно хотят делиться.

– Пусть делятся. Тебе-то что?

– Дерьмо – это же давно шаблон в искусстве. Все тащат в искусство свое дерьмо, и оно уже воняет – хуже некуда. Неужели не замечаешь?

– Вот даже если и замечаю, то что?

– Хочешь честно? Ты могла и не тратить столько лет своей жизни... пять, правильно?... на художественную академию. Могла не тратить деньги своих... родителей, спонсоров или кого там еще, на обучение там...

– Ты вернулся намекнуть, что мне не стоило быть этим-как-его-художником и пополнять искусство своим дерьмом?

– Не перебивай, ладно?

Он походил, нервно дергая полу своей забрызганной футболки.

– Так вот, – он снова собрался с мыслями и продолжил, – То, как ты рисуешь, извини, пишешь – правильно, да? То, что ты пишешь, то, как ты это делаешь – в художественных галереях... академиях... не учат. Этому вообще не научиться, так мне кажется.

– Ну ты загнул, конечно.

– Можешь помолчать хоть немного? Дослушать?

Сильвия собиралась возмутиться, но потом сдержалась и кивнула. Мол, продолжай, я вся – внимание. Может, он буйный, кто знает – подумала она тогда.

– У тебя есть талант. Видеть мир по-своему и переводить это видение в рисунки. Уникально. Но ты этот дар неправильно используешь.

– Здравствуйте, приехали. А ты, получается, посланник, обязанный явиться мне и сообщить об этом. Так что ли?

До приложил указательный палец к губам, призывая замолкнуть.

– Талант просвечивает сквозь твою кожу, – он обошел Сильвию сзади, взял ее руку в свою и повернул ладонью вверх.

Сильвия почему-то не могла сопротивляться. Или не хотела?

Он поводил по воздуху ее рукой, и поймал ей в ладонь солнечного зайчика, скакнувшего неизвестно откуда. Закрыв ладонь пальцами. Солнечный зайчик остался там, внутри. Хотя по законам физики Твердого мира должен был остаться снаружи, на пальцах.

– Видишь? – шепнул До, наклонившись к ее уху.

– Видишь, – добавил он утвердительно.

Тогда Сильвия еще не знала, чем занимается До. Это выяснилось только в их следующую встречу.

Глава 2. Кто он такой

Он ввалился в мастерскую через неделю, поздно вечером.

Обычно к этому времени Сильвия уже заканчивала работу, освещение не то, но в тот раз заработалась.

Когда работала, исчезала из Твердого мира. Переставала для него существовать. А мир переставал существовать для нее. Уходила в процесс с головой. С руками, ногами и прочим телесным скарбом. Собственно, ее и не было в мастерской, она была внутри того, что рисовала.

Вынырнула из работы во внешний мир, а там почти ночь. В углу мастерской, на заляпанном краской табурете сидит он.

Опять в своем балахоне из мешка.

Как она не заметила его вторжения? Должна была хотя бы почувствовать. По звукам, или хотя бы по запаху. От него исходил резкий запах. Краски?

Масло или акварель так не пахнут.

Так пахнет только BELTON MOLOTOW.

И как она сразу не догадалась тогда?

– Знаешь, почему ты рисуешь? – начал он с места в карьер. Сразу как увидел, что она вернулась во внешний мир.

Сильвия не удивилась вопросу, свыклась с его манерой общения еще в прошлый раз.

– Потому что умею. Лучшее занятие из всех, что я пробовала.

– Неправильно. Ты рисуешь, потому что твои рисунки – это и есть ты. Ты – это то, что ты рисуешь.

– Красивая теория. Что дальше?

– То, что твои рисунки, они – живые. Реально живые. В них можно заглянуть. Даже, наверно, войти. Но рисуешь ты их по мертвому.

– Я не должна сейчас обижаться, да?

– Не должна, – подтвердил он. – Писать маслом по холсту – это неправильно для тебя.

– Серьезно? А ничего, что я этим зарабатываю на жизнь? Вот этими самыми картинами – которые «маслом по холсту». Именно их покупают в галереях. По ним меня знают.

– Деньги и успех портят.

– Да что ты говоришь?! Деньги дают свободу творчеству. Успех – он окрыляет.

– Чувств собачья. Тебя в художественной академии напичкали этим дерьмом?

– Ну конечно. Дерьмом. Твоя любимая тема, я так понимаю.

– Твоим работам тесно. Они не вмещаются в холсты, не видишь разве? Они просятся...

– он подбирал слово, – наружу.

– Яставляю. Много где.

Сильвия перечислила галереи. Он сплюнул, досадливо, прямо на цементный пол.

– Ты не понимаешь. Они просятся туда, – он показал на дверь.

Потом открыл ее настежь:

– На улицу.

До несколько раз открыл и закрыл входную дверь, похлопал ей по ветру, устроив в мастерской сквозняк.

Несколько загрунтованных холстов, стоявших недалеко от входа на полу, попадали один за другим, как костяшки домино.

До закрыл дверь и подошел вплотную к Сильвии. Она интуитивно сделала шаг назад. Дальше отступать было некуда: Сильвия уперлась задом в стол с инструментами и красками.

– Идиота кусок на мою голову.

До кивнул. Потом медленно, глядя ей прямо в глаза своими черными сверлами, скрестил руки на подоле своего мешка-балахона и дернул его вверх. Так обычно делают, когда хотят снять свитер через голову.

Сильвия напряглась. Потом отвернулась.

Очередной стриптиз.

С чем на этот раз?

До стянул мешок и бросил его на пол. Стоял, не шевелясь. Молчал. Ждал чего-то.

Сильвия не выдержала, осторожно посмотрела в его сторону.

Что?

Сильвия резко развернулась к нему.

До стоял голый по пояс. Торс был забит татуировками.

Пять набитых рисунков.

Два на груди. Один на уровне солнечного сплетения. Под ним и до талии – еще два.

Все до одного рисунка были ей знакомы. Знакомы всему Твердому миру. То, с чем в Твердом мире, в первую очередь ассоциируется их мегаполис.

Их Город узнают по этим рисункам. Они – портрет Города. Каждый знает их.

– Это твои работы? – выдохнула она.

– Да. И они дерьмовые, если хочешь знать мое мнение.

– Подожди, подожди, я не про татуировки сейчас. Эти работы, с которых сделаны татуировки, они были на стенах. Стрит-арт. Муралы, так?

Он неопределенно кивнул.

– Их делал тоже ты?

– Говорю же, дерьмо полное. Нечем гордиться. Я не умею рисовать, как ты.

– Значит, ты это он? Ты... и есть До?

– Имя у меня тоже дерьмо, согласись. Но уже прилипло, не отбаффить.

– Ты – До?

– Что ты заладила? Сказал же, да. До. Приятно познакомиться.

– Так вот почему весь этот маскарад. Ты же скрываешься, не хочешь, чтобы тебя видели.

Но почему тогда...? А если я тебя сдам?

– Не сдашь.

– Зачем ты сейчас раз... облачился?

– Разделся, ты хотела сказать. Соблазняю тебя.

– Меня? Соблазняешь?

– Да. Доношу идею, что рисовать тебе надо по живому. Не по холсту, а по телу.

– Что?

– По телу человека, по стенам города. Это одно и то же. Главное, по живому.

– Донес, кажется. Идею. Может, оденешься?

До подхватил с пола свой мешок, но надевать его не торопился. Миниатюры его знаменитых уличных работ по рельефу тела – прямо перед глазами Сильвии.

– Я вернусь за тобой в два часа ночи. Сюда. Будь готова.

Телосложение пропорциональное. Мускулатура в меру развита. Трицепсы выделены, живот подтянут.

– Ты приглашаешь меня на ночную... прогулку?

Глаза по-прежнему черные-черные, взгляд скользит по ее фигуре сверху вниз.

– Оденься получше, Сильвия.

Ударение на предпоследний слог.

До ловко натянул свой мешок обратно, накинул на голову капюшон, одернул мешковину и направился к выходу.

На пороге резко обернулся, как будто хотел что-то сказать. Вместо этого озорно, заговорщицки подмигнул ей и исчез в темноте улицы.

Сильвия так и осталась стоять столбом на пороге мастерской.

Потом вышла на улицу. Закурила.

Уличный художник, известный широкой общественности под именем До, был легендой.

На него была открыта настоящая охота. Его искали все. Поклонники. Полиция. Власти.

До работал на грани закона. Без разрешения. Без предупреждения.

Его несанкционированные работы на стенах города нарушали закон об общественном порядке. Вандализм.

Рисунки До появлялись на стенах города неожиданно, и каждый раз становились сенсацией.

Все видели его работы.

Про До знал весь Твердый мир.

Но никто и никогда его не видел.

Никто не видел До.

Это только подогревало всеобщий интерес.

Слава о выходках До давно переросла мир стрит-арта и расползлась по миру благодаря масс-медиа.

В художке До упоминали всегда как пример коммерческого успеха в современном искусстве.

Его работы, вырезанные из стен, частями и полностью, продавались на мировых аукционах за шестизначные суммы и разъезжались по всему Твердому миру.

Пополняли коллекции толстосумов всех стран.

Иметь в коллекции работу До, пусть даже в виде раскрашенного аэрозольной краской кирпича, считалась невероятно престижным.

Но никто и никогда не видел его лица.

Никто не знал, как выглядит До.

Сильвия курила третью сигарету подряд. Они кончались очень быстро. Вроде, только затянулась, и уже уголек обжигает кончики пальцев.

Это точно он?

Ненормальный парень, раздражающий ее своими странными заявлениями и выходками – это и есть До?

«Сил-виа» и «Дер-мо полное» – это До?

Вернется за ней в два часа ночи, сюда, в мастерскую – До?

Но почему?

Это была уже четвертая сигарета.

Хватит.

К двум часам ночи на Сильвии были надеты серый спортивный костюм и кроссовки.

Когда-то она пыталась приучить себя к утренним пробежкам, но ее хватило на два раза. С тех пор спортивная форма ушла в запас и заняла почетное место на полке. Но вот настал и ее звездный час.

А в чем еще отправиться на ночную прогулку с мужчиной, который носит вместо одежды мешковину и рисует на стенах?

Стоило ли вообще рисковать?

Сильвия до сих пор не была уверена, что все делает правильно. Возможно, лучшим решением было бы сейчас спать дома, под мягким одеялом. А не ждать этого типа здесь, в мастерской, под покровом ночи.

Сильвия скурила уже пачку и открыла следующую.

Ровно в два ночи дверь бесшумно распахнулась, и вошел он.

На этот раз До был не столь эксцентричен. Всего-то черный бомбер с капюшоном, серые джинсы, кеды. За спиной рюкзак.

Он придирчиво осмотрел экипировку Сильвии. Удовлетворенно кивнул.

А вот сигарета в ее руке ему явно пришлась не по вкусу. Он немного поморщился, но промолчал.

Сильвия сделала длинную затяжку, потом бросила сигарету в банку с водой, в которой уже плавало десятка два окурков.

– Собери волосы, – подсказал он.

Сильвия накрутила волосы на руку. Привычным жестом собрала в пучок на затылке и зафиксировала кистью номер два, вытащив ее из банки с колонковыми кистями. Она всегда использовала кисточки вместо спиц или заколок, когда работала в мастерской.

До усмехнулся, глядя на ее манипуляции с волосами.

– Надень капюшон и не снимай его.

Сильвия послушно накинула на голову капюшон.

Как грабители заправок, честное слово.

– Выключай свет, закрывай мастерскую, – скомандовал До.

Сильвия не возражала. Сделала, как просили.

За полчаса до его прихода Сильвия дала себе самой обещание – полностью принять правила игры. И будь что будет.

А было вот что.

До показывал Сильвии ранее не виданный ей город.

Ночной, с высоты крыш.

Казалось, он знал проходы, тайные пути на каждую крышу.

Они поднимались по пожарным лестницам, перелезали через заборы, взбирались на широкие высокие стены, пробирались через узкие лазы черных ходов и чердачные люки.

Сильвия удивлялась самой себе, когда ей удавалось, при поддержке До, забраться на крышу очередного дома.

Когда они стояли вдвоем на самом гребне покоренной крыши, у Сильвии перехватывало дух.

Оттуда город выглядел совсем по-другому.

Он светился далеко внизу огоньками – белыми, желтыми, голубоватыми, вспыхивал красными и зелеными проблесковыми маячками. Они были размыты, как будто нереальны. Лишь отражения.

Сверху открывался вид на двухскатные крыши домов, и Сильвии казалось, что она смотрит через ночную темноту на огромные раскрытые книги, положенные корешками вверх, страницами внутрь. И пишется на этих страницах в каждом доме своя история. Где-то получается обычная домовая книга, где-то любовный роман, где-то криминальное чтиво. Никогда не увидишь снаружи, чем заполняются страницы под обложками обветшалых крыш.

И было тихо-тихо. В такой тишине каждое движение отзывалось звуком. Скрип черепицы под подошвой кроссовка. Шорох пачки сигарет, вылавливаемой из кармана. Громкое чирканье спички о картон. Шипение тлеющего кончика сигареты.

Только До был совершенно, абсолютно бесшумен. Его не было слышно. Совсем.

Несколько раз Сильвия как будто даже теряла До из виду. Он полностью выходил из поля ее зрения. Вроде как попадал в слепую зону.

А потом вдруг снова оказывался рядом. Совсем близко, в шаге от нее.

До как будто и правда растворялся в ночном воздухе города, был его духом.

Когда они спускались с очередной крыши, До вел ее через незнакомые проходные дворы. Они ныряли под какие-то арки, оказывались в асфальтированных дворах-колодцах, выходили через черные ходы парадных в какой-то следующий двор, на этот раз с садиком и бельевыми веревками, и дальше, дальше по запутанному лабиринту улиц.

До знал эти уличные лабиринты как свои пять пальцев.

С легкостью открывал любую запертую или даже заколоченную дверь, встретившуюся на пути.

Для него как будто не существовало препятствий.

Каждый шаг был четко рассчитан.

Складывалось впечатление, что До уже ходил этими запутанными петлями улиц и дворов сотни раз.

Сильвии оставалось только следовать за ним шаг в шаг, не отставать. И четко выполнять короткие инструкции: «пригнись», «вверх», «вперед».

Было весело, таинственно и немного страшно.

Как в детстве, давным-давно, когда играли в «казаки-разбойники».

Когда выпадала роль «разбойника» и нужно было убегать, не попадая на глаза «казакам».

Время от времени они проходили мимо настенных работ До. Тех, что еще сохранились кусками. Сильвия их сразу узнавала. До равнодушно скользил мимо, будто даже не замечая.

Возле очередной торцевой стены дома, где сохранился фрагмент его знаменитого на весь мир мурала, Сильвия притормозила, ухватив До за рукав.

До остановился, вопросительно посмотрел на Сильвию.

Тогда она задала ему тот самый вопрос, который он адресовал ей, когда пришел первый раз в мастерскую.

– Зачем ты рисуешь? – спросила Сильвия До, показывая на то, что осталось от его работы.

Она показывала на кусок стены, где еще осталась стершаяся, облупившаяся краска. Изначально красная и белая, но сейчас бурая и грязно-серая. В правом верхнем углу, на уровне пятого этажа, под самой крышей.

– Счастье в чистом виде, – пожал плечами До. – Ты ведь это тоже чувствуешь.

– Почему здесь, на улицах? Из-за опасности?

До рассмеялся.

– Тебя могут поймать, и от этого немного страшно. Ты настороже. Чувство опасности заводит. Да? – он внимательно посмотрел на нее, глаза в глаза, через темноту.

– Я не знаю, – смутилась Сильвия.

– Опасность привлекательна, да, но только в самом начале. Так и правда было, когда начинал. Бомбили тогда поезда в ярдах, знаешь? Проникаешь тайком в отстойник, где стоят составы. И заливаешь с ребятами холтрейн, вагонов шесть-семь за раз. И тут появляется охрана, орут что-то по громкой связи, трещат рации, облава. А ты – сначала добомбишь свой кусок, а потом бежать. За тобой погоня, охранники, иногда полиция. Вот это был адреналин. Кураж.

– А теперь, значит, никакого куража.

– Сейчас качественно другое удовольствие. Оно не из-за опасности.

– Из-за чего тогда?

– Сейчас я иду на улицы, потому что чувствую желание Города. Он просит меня об этом.

– Желание Города, говоришь. Он ведь не человек, чтобы иметь желания. Не живой, чтобы просить...

– Город – тоже живое существо. Более сложного порядка, чем люди, но не менее живой. Ему необходимо внимание, как любому живому существу.

– И ты умеешь слышать? Город?

– Да. Наш Город, он ведь... милашка.

– Что? Милашка?

Это слово неожиданно было услышать в исполнении До. Оно прозвучало как-то нежно, так говорят о том, кому искренне симпатизируют.

– Ну у него такой характер, у Города. Любит, когда ему рисуют. Сам подставляет свои стены. Знаешь, когда собака хочет, чтобы погладили, поласкали, подставляет тебе бок или брюхо. Вот, и город наш так. Любит, чтобы погладили его кистями, залили красками.

– Не могу поверить, что ты это серьезно сейчас.

– Конечно, серьезно. Такими вещами не шутят. Я же тебе это не просто так рассказываю. Не чтобы впечатлить. Город попросил.

– Что?!

– Короч, Город хочет, чтобы ты его тоже погладила. Нарисовала на его стенах что-то.

Сильвия достала сигареты. Долго не могла прикурить из-за налетевшего ветра.

– Погладить, значит... Мне не кажется, что я...

Она крутилась, пряча огонь зажигалки от ветра.

– Ты, ты. Иначе зачем бы я к тебе пошел. Думаешь мне делать нехрен?

Получилось. Прикурила.

– Так, подожди, – на всякий случай уточнила Сильвия, не готовая к таким странным откровениям До, – то есть ты утверждаешь, что Город, вот этот наш город, в котором мы сейчас находимся, попросил тебя найти меня и передать, чтобы я порисовала где-нибудь на его стенах. Я ничего не упустила?

– Упустила. Не порисовала где-нибудь, а нарисовала что-то.

– Это не одно и то же?

– Нет.

Сильвия сделала длинную затяжку, медленно выпустила дым вверх. Ветер тут же его подхватил и утащил за собой.

– Значит, я должна нарисовать ему что-то. Что?

– Это ты сама должна понять.

– Пока ничего не понимаю.

– Прислушаться. Нужно прислушаться к желанию Города.

– Но ведь не я, а ты – эксперт по коммуникациям с ним. Может, ты и прислушаешься тогда?

– Как же с тобой трудно, Силвия, – опять это ударение. – Все-то ты усложняешь.

Сильвия поняла, что перегнула палку. В конце концов, обещала себе играть по правилам До, а ее опять не туда понесло.

– Извини, наверно, я – тупая. Объясни еще раз.

До рассказал тогда, что Городу нужны окна в другие миры, иначе он превратится в затхлый непроветриваемый чулан. И ничего хорошего в этом нет.

Рисунки До на стенах – это то, что лично он может сделать для города. Окна в его личный внутренний мир, в которые Город может заглянуть. Ведь они нарисованы на его стенах, на теле.

Но Город выбрал еще и Сильвию. «Нашептал мне про тебя» – так вот выразился До.

На вопрос Сильвии о способе нашептывания отмахнулся и пробормотал что-то непонятное про умение слышать стены.

Мол, услышал желание Города через его стены, когда увидел ту желтую картину в кофейне на углу 3-ей Северной и 7-й Западной.

– Вот и пришлось искать автора работы, то есть тебя. Объяснять то, что объяснить невозможно. Не думал, что будет так трудно.

– Уж извини, я с таким подходом впервые сталкиваюсь.

– Не веришь, значит? – усмехнулся До, – Тогда покеда. Сделал, что мог. Жаль, что ты оказалась непроходимой занудой.

Он повернулся спиной и почти уже растворился в ночи, но Сильвия успела в последний момент ухватить его за рукав.

– Постой, До.

– Чего еще?

– Я согласна.

До развернулся к ней. Снова налетел ветер, закружил вокруг них.

– Я согласна рисовать Городу окна.

– Ишь ты, – присвистнул До. – Поняла, значит.

– Тебе придется меня учить.

– Заметано.

Глава 3. Стены и окна

До сказал, что первым делом нужно выбрать стену. Для этого необходимо вообще научиться их слышать, чувствовать.

– Раньше я слушал так. Прижимался спиной к стене, закрывал глаза. И как будто бы по позвоночнику вверх поднималась... не знаю... информация. Раскрывалась где-то в области затылка и перед глазами начинали мелькать фрагменты. Они складывались как пазлы в общую картину. В сообщение от города.

– Круто. А что там бывает, в сообщении?

– Как объяснить-то... город как будто говорит, что именно он хочет узнать от тебя. Ты же художник, должна понимать такое.

– У меня по-другому. Я прислушиваюсь к себе, когда рисую. Как будто рисую внутри комнаты, которая внутри меня. Но на самом деле – пишу на холсте.

– Сделаешь так же и на стенке. Потом. А сейчас пока что найди свой способ слышать Город через его стены.

– Как это сделать?

– Походи по Городу, можно и днем, смотри на его стены. Только очень внимательно. Рассматривай их текстуру. Трогай. Гладь. Нюхай. Лизни языком, если захочется. Что-то обязательно работает. Когда услышишь голос Города, ни с чем это не спутаешь.

И Сильвия начала изучать стены.

Оштукатуренные стены домов.

Кирпичную кладку заводских заборов.
Останки старой крепостной стены.
Круглые бревна двухэтажных деревянных домов на окраине.
Исписанный тэгами бетон трансформаторных подстанций и перекрытий моста.
Осыпающаяся известь церковной стены.

«Город, его стены, они – живые,» – говорил ей До. Она проводила пальцами по различным поверхностям стен, дотрагивалась до них ладонями, иногда прижималась спиной и затылком.

Стены молчали. Они оставались равнодушными к ее прикосновениям.

Что ж, имели полное право.

Наверное, трудно доверять людям. Ведь никто, кроме До, не считал их живыми.

Люди долбили их отбойным молотком, завешивали рекламой прокладок и чипсов. Рисовывали уродливыми надписями, перекрывали слоями фасадной краски. На них прибивали таблички-указатели и справляли нужду.

Сильвия понимала их причины молчать.

Но все равно не останавливалась. Она сможет услышать Город. Ведь он сам ее позвал, если верить До.

Скоро она поняла, что больше всего ее привлекают старые кирпичные стены пятиэтажных домов на окраине. Заброшенные, давно расселенные дома. Под снос. Они сиротливо жались друг другу, повернувшись к городу пустыми проемами с выбитыми стеклами.

Торцевые стены – глухие, без окон. Им частично удалось освободиться от штукатурки, как будто стряхнули с себя ненужную шелуху и вздохнули с облегчением.

На одной из стен штукатурка местами сохранилась, но стоило ее задеть, и пласт тут же отваливался.

Сильвия прошлась вдоль стены, помогая ей скинуть шкуру. Нужно было только прикасаться ладонью, и толстый верхний слой отваливался сам, падая Сильвии под ноги.

А глазам открывалась прятанная под ним годами кирпичная кладка.

Сильвия погладила бурые кирпичи, провела пальцем по серым дорожкам скреплявшего их цемента. Прижала к стенке ладонь, впитывая ее шероховатость, влагу, пыль.

И вдруг стена прогнулась под ее рукой, стала гибкой, пластичной. Как мокрая глина, пластилин, что-то такое. Ладонь проваливалась, проходила прямо вовнутрь стены. Сильвии стало не по себе, она отдернула руку.

Перед ней снова была обычная кирпичная кладка.

Но в голове, перед тем зрением, которое включалось, когда она рисовала, явственно проявилась картина.

Город приветствовал ее. Еще он говорил: «Не бойся».

– Вообще-то это было жутко, – делилась Сильвия своими ощущениями с До. – Как в триллере. Только наяву.

– А ты бы предпочла не заглядывать за пределы Твердого мира, да? – подначивал ее До.

– Ну не так же!

– А как?

– У тебя вот более лайтовый вариант. Прижался спиной и смотришь картинки.

– Это смотря какие картинки, – рассмеялся До. – Мне иногда такое показывают. Прямо в голову. Ничего, со временем привыкаешь.

– Отличная перспектива.

– Сильвия, с тобой случилось чудо, что совершенно нетипично для Твердого мира, заметь. А ты жалуешься, ноешь. Не стыдно вообще?

- Силь-ви-я. Ударение на первый слог.
- Для улиц нужно имя покороче. Придется сократить. Будешь Си.
- Почему это Си?
- Сама говоришь, ударение – на первый слог.

Так Сильвия стала еще и уличным художником Си.

Художником, способным слышать голос города и рисовать на его стенах окна в другой мир.

Стрит-арт увлек ее по-настоящему, затянул в сети городских улиц и говорящих на особом языке стен.

Все чаще она присоединялась к ночным вылазкам До.

До предпочитал работать баллончиками.

Она – фасадными красками, с помощью кистей и валиков.

Даже на огромных работах – муралах, занимавших целый фасад дома, мир Сильвии получался словно отраженным в какой-то невидимой водной поверхности.

– Смотришь на стену, а как будто в воду. Как будто можно зайти, нет, нырнуть туда, в твой рисунок, – говорил До, рассматривая ее мурал на торце дома с крыши соседней пятиэтажки. – Как ты все-таки это делаешь, а?

Иногда они рисовали вдвоем. Если стенка подходила обоим, если легко складывался общий эскиз, и если город просил их обоих о новом окне – одном на двоих, они это делали.

Совместные работы подписывали двумя нотами. Си и До.

Две закорючки нот в углу рисунка.

Рисовали по ночам, с высокой приставной лестницы, которая была у До, или со строительных лесов, которым уже были оплетены некоторые хорошие стенки города – для ремонта или реконструкции.

Если стенка была высокой, спускались на закрепленных на крыше веревках, как промышленные альпинисты, и рисовали.

Висеть в ночном небе, на стене, на расстоянии вытянутой руки от До, и гладить город валиком с краской по боку – что может быть лучше.

И город, в свою очередь, заботился о них. Иногда Сильвии казалось, что они становились невидимками для всех, когда работали на стенах.

Их не видели даже проезжающие мимо патрульные машины, не говоря уже о случайных прохожих и праздно шатающихся по ночам компаниях.

Они с До могли висеть прямо у них над головами, со всеми своими красками и инструментами, но так и остаться незамеченными.

– Магия, – говорила Сильвия.

– Защита Города, – говорил До.

Возможно, это было одно и то же.

Город был доволен.

Чего не скажешь о властях и полиции, для которых появляющиеся по утрам на стенах города картины становились серьезной проблемой.

Все их работы на стенах были нелегальными. Незаконными. Вандализмом. Нарушением правопорядка.

Но полиции приходилось закрывать на это глаза. Ведь здесь был замешан До, для всех он – уличный художник с именем мирового масштаба.

Следовательно, работы приходилось оставлять. Да еще и охранять, чтобы кто-нибудь не вырезал из стены кусок для продажи на аукционе. Вот это как раз и раздражало власти города больше всего.

С превеликим удовольствием они бы избавились как от До, так и от Си-До – вместе со всеми их ночными художествами на городских стенах.

Но они не собирались останавливаться.

До оказался прав. Рисовать на улицах, на стенах города было истинным наслаждением. Особенно когда знаешь, что работаешь по живому.

Когда сам Город откликается, помогает тебе рисовать.

«Делать Окна для Города» – так До называл то, чем они занимались.

Холсты, казались после этого мертвым материалом. И слишком мелким форматом.

То, о чем ей и говорил До, еще в самый первый раз.

Их приходилось оживлять, расширять с помощью красок и кистей, но все это было уже не то, по сравнению со стрит-артом.

Не творчество, а скорее ремесло, которым зарабатываешь на жизнь.

Сильвия писала картины в мастерской все реже. Только когда галереи, продававшие ее работы, просили об этом сами.

Можно сказать, под заказ.

Так ее жизнь разделилась на две половины.

Дневная, легальная, в которой она была в меру популярным художником, которого хорошо покупают.

И ночная, тайная, где она была никому не известным уличным художником, скрывающим свое лицо под капюшоном, а имя – за нотой Си.

Глава 4. Белый город

Однажды До предложил:

– Поехали в Белый. Порисуем.

Белый город был столицей другой страны Твердого мира. Маленькой страны на юго-востоке.

До был оттуда родом, что и объясняло его иностранный акцент.

Сильвия в Белом городе никогда не была. Знала только, что не так давно в Белом еще было военное положение. Отменили около месяца назад, открыли границы.

– А поехали, – согласилась Сильвия, – Надолго?

– Как пойдет, – ответил До.

За неделю Сильвия уладила все дела с галереями, отдала им картины для выставок, закрыла висевшие контракты. На карте собралась внушительная сумма – хватит на полгода, может, и год.

Тем более в Белом, где цены в разы ниже и на съемное жилье, и на продукты. Надо думать, на краски с кистями тоже.

У До деньги тоже были, так что справимся – решили они. И поехали в Белый город налегке, только с рюкзаками.

Добирались сначала поездом, потом паромом, в конце – на попутках.

Через границу проходили долго, около пяти часов. Там стоял военный кордон. Длинная очередь из машин и людей.

Документы проверяли со всей тщательностью, задавали вопросы о цели приезда.

– Скажем, что ты – моя невеста. Едем знакомиться с моими родственниками.

– У тебя там остались родственники?

– У нас вся страна – друг другу родственники, – уклончиво ответил До.

Как ни странно, такое объяснение не вызвало у пограничников подозрений. Их пропустили в Белый город.

Сначала город произвел на Сильвию удручающее впечатление. Он казался измученным, как будто больным.

Его белоснежные стены, благодаря которым он получил когда-то свое название, по фотографиям этих стен Белый город узнавали во всем мире, – посерели, поблекли. Как будто осунулись.

– Это после бомбежки, – коротко пояснил До, – пошли в кавану.

Каванами в Белом городе называли крошечные забегаловки, два на два метра, где жарили на гриле огромные мясные отбивные и подавали на ароматной лепешке, присыпав сверху луком и душистой зеленью.

Той каваны, в которую повел До, обещая лучшее мясо в городе, на месте не оказалось. Судя по открывшемуся их глазам пейзажу, кавана попала под воздушный обстрел и была сметена с лица земли. Вместе с частью здания, к которому когда-то примыкала.

– Я знаю другую, – сказал До.

Перекусив, они отправились в гостиницу, которая точно сохранилась и работала, если верить словам пожилого хозяина каваны, накормившего их вкуснейшим мясом – отбивными с ладонь – за какие-то смешные деньги.

– Такие цены сейчас у нас везде. Кризис, коллапс, конец всему, – пояснил он, заметив их удивленные взгляды на счет.

Они оставили ему хорошие чаевые.

Гостиница, хоть с виду и казалась запущенной, нежилой, действительно работала. Внутри – сразу же охрана. Двое крепких парней в военной форме и с оружием.

Они проверили документы сразу на входе и указали на стойку, за которой сидела администратор.

Сильно накрашенная женщина неопределенного возраста в лоснившемся от долгого использования форменном пиджаке, с вышитым логотипом гостиницы на кармашке, натянуто улыбнулась и забрала их паспорта.

Пришлось заполнить от руки немыслимое количество форм и анкет, поставить десятки подписей, прежде чем с них взяли оплату за три дня, опять же очень мало, и выдали ключи с тяжелыми латунными брелоками-грушами, на боку которых были выбиты цифры.

Закинув вещи в номер, они снова вышли на улицу. Посмотреть на город повнимательней. До показывал ей по памяти лучшие из стен города. То, что осталось от них.

– Вряд ли они позволят, чтобы мы рисовали, – поделилась Сильвия своими сомнениями с До, показывая глазами на военных с оружием, которые были повсюду. Патрулировали город. Останавливали прохожих для проверки документов.

– А кто когда спрашивал? – ответил До тихо, сквозь зубы.

В его черных глазах уже вовсю плясали черти. И Сильвия вспомнила, что именно в этом городе До начинал. Пробирался в ярды, бомбил из баллончиков поезда, убегал от копов. Это все происходило именно здесь.

Вряд ли кто-то сможет его остановить и сейчас. Даже она.

Но попытаться стоило.

Сильвия готова была рисковать, но в рамках разумного. Рисовать на стенах в чужой стране, под угрозой быть схваченной вооруженным военным патрулем – это уже перебор.

До внимательно выслушал ее аргументы, пожал плечами и сказал:

– Можешь и не ходить.

– То есть ты пойдешь в любом случае?

До кивнул.

– Это риск. Большой риск. Нас могут и убить, – попробовала еще раз Сильвия.

– С чего вдруг?

– Они же все с оружием!

– Ерунда. Они не будут стрелять из-за рисунков на стенах. У них есть дела поважнее.

– Это какие?

– Предотвращение возможных терактов. Они вычисляют террористов.

– Ночью, в капюшонах на головах, тайком спускающиеся на веревках с крыши. Кто же это?

– Мы не террористы. Просто рисуем. Вернее, я... Тебе лучше и, правда, не ходить.

Но все-таки она пошла с ним. И первый раз, и второй, и третий.

Они рисовали небольшими кусками.

Сначала в проходных безлюдных улицах. Там, где были удобные пути отступления. Откуда было легче убежать, если их заметят.

Пару раз их замечал патруль, но обошлось. Удавалось вовремя скрыться.

Днем До знакомил Сильвию с Белым городом, она все больше сближалась с ним.

Белый был настрожен, но благосклонен. Отзывался, открывал им постепенно свои тайные стенки.

До облюбовал боковую стену здания в самом центре. Часть здания была снесена взрывом. На сохранившейся торцевой стене он хотел сделать работу.

– Это слишком рискованно, – говорила Сильвия.

Мимо них проходили женщины, мужчины, дети – все в черном, с ног до головы. Как ей объяснил До, здесь носили траур до полугода.

– Не дрейфь, – говорил ей До. – Мы же все знаем. Во сколько они патрулируют. Где. По сколько человек. Просто нужно все хорошо просчитать.

– Может, не надо здесь? Я, правда, боюсь, – предприняла еще одну попытку Сильвия.

– Если боишься, лучше тебе не участвовать.

Сильвии не удалось его отговорить.

До серьезно и долго готовился к этой вылазке. Уходил один. Часами наблюдал за патрулями. Рассчитывал все действия по секундам. Разрабатывал пути отступления.

Это была одержимость идеей.

Или Белый город его так настойчиво просил об этом окне?

Сильвия не знала.

До был уверен, что город, если что, прикроет.

У Сильвии такой уверенности не было.

Наверное, поэтому она решила идти с ним.

Она не могла отпустить До одного.

– Рисовать будем с крыши примыкающего дома, – инструктировал До, – Четырехэтажка. Со двора есть пожарная лестница. Сначала лезем по ней, затем по карнизу и водосточной трубе – попадаем на эту крышу. Она не плоская, двухскатная. Поэтому сильно не размахнуться с рисунком. Делаем компактно, только с ног.

– А веревки?

– Не успеем веревки. Там патруль каждые пятнадцать минут. Примерно. На самом деле, то раньше, то позже на две-три минуты. Придется резко пригнуться, лечь на крышу – время от времени. Если повиснем на веревках – не успеем.

– Что рисуем?

– На месте разберемся. Красок с собой – по минимуму. Сколько войдет в рюкзак. Мои баллоны уже там. Потом все скидываем, по дороге. Я покажу где.

– Зачем?

– Убегать налегке, без улик. Потом заберем.

На крышу примыкающего дома они поднялись быстро, без особых проблем.

Стенка и правда была хорошая – шершавая кирпичная кладка, долго прятая под слоем штукатурки и оголившаяся после взрыва. Массивные куски отлетевшей штукатурки так и остались на крыше.

За этой стенкой, с той стороны, было двадцать метров сломанных перекрытий, а дальше зияла пустота. Результат бомбардировки ракетами воздух-земля.

Но с той стороны, где они стояли на крыше, это была просто стена. Пять метров в высоту, около десяти в длину.

– Закрепись ногами на скатах и рисуй с места. Здесь. Это будет центр. Я заливаю по краям.

– Что рисуем? – снова спросила Сильвия.

– Послушай стену. По моим ощущениям, у тебя там круг и что-то в нем, внутри. Как отражение в круглой, не знаю, луже или озере. Давай, сама разберись.

Сильвия прижалась ладонями к стенке, закрыла глаза, прислушалась.

В ладонях возникла легкая вибрация – стенка отозвалась.

Теперь она казалась на удивление тонкой, как мокрая пленка.

Нет, как стена воды. Как водопад, как...

– ... весь мир под дождем, – услышала она голос До, откуда-то издалека. Так бывало всегда, когда Сильвия отключалась от внешнего мира.

– Что? – переспросила она, переключив внимание обратно, вовне.

– У нас, говорю, есть ровно час, и пусть весь мир подождет.

– И пусть весь мир под дождем, – задумчиво отозвалась Сильвия. Теперь она знала, что ей нужно рисовать на этой стенке.

Сильвия рисовала – внутри мысленного круга.

За стеной дождя, где-то далеко внизу, просматривалось сооружение цилиндрической формы. Похожее на... жезл уличного регулировщика. Красные и белые горизонтальные полосы попеременно.

На верхушке сооружения должен быть свет. Через дождь для обычного человеческого глаза его было не видно, но он там все равно спрятан, этот свет. Она должна его тоже нарисовать.

– Ложись.

Голос До выдернул ее из работы.

– Патруль.

Сильвия пригнулась, потом легла на крытый железом скат крыши.

– Ближе к стене, – шепнул ей До.

Сильвия бесшумно передвинулась, вжалась в кирпичную стену.

– Не шевелись.

До лежал на втором скате. Их руки касались друг друга на коньке крыши.

Одежда у обоих была темно-серая, снизу их можно было запросто принять за два куска отвалившейся от стены штукатурки. На что и рассчитывал До.

Лишь бы не заметили их начатый рисунок.

– Вставай. Ушли.

До легонько похлопал ее по руке, которой Сильвия из всех сил вцепилась в единственное горизонтальное ребро крыши.

Он помог ей подняться на ноги и продолжил заливку баллончиками со стороны своего ската.

Сильвия вернулась к своему куску.

Да, он определенно будет круглой формы.

Вокруг далекого красно-белого сооружения, которое получилось размером с ладонь, вырисовывался песчаный холм. По нему шли широкие каменные ступени. У подножия холма смыкались в круг высокие деревья. Кажется, сосны. Видимость стиралась хлесткими водяными струями.

– Маяк в лесу? – услышала она далекий шепот До.

Сильвия переключилась. Оказывается, До стоял совсем рядом. В правой руке держал баллончик. Левой очищал стену под ее рисунком. Собирался там что-то заливать.

Сильвия всмотрелась в свой рисунок и кивнула. Да, наверно. Еще там будет море.

Они уже так рисовали и раньше. Делали общую работу, заранее не сговариваясь, кто и что рисует. Следуя только тому, что подсказывает сама стена. Прислушиваясь к голосу города. Получалось всегда круто.

Вот и сейчас – работали на интуиции и доверии.

Нужно было создать еще тот невидимый огонь, на верхушке красно-белого сооружения. Свет на верхушке маяка, который не видно днем. Только ночью.

Сильвия смешивала краски для света прямо в своей ладони.

– Алхимия?

До улыбнулся, глядя на нее. Сильвия слышала это по его голосу. Он по-прежнему рисовал рядом, бок о бок с ней.

Краска в ладони засветилась. Живой, нематериальный свет. Как солнечный зайчик.

То, что надо, теперь можно переносить свет на стенку.

Внезапно стало как-то ярко вокруг. Холодный, безжалостный белый луч ослепил их сзади.

До схватил ее за правую руку, чуть ниже локтя. Кисть выпала и покатила по скату крыши.

– Вы арестованы! – орала в громкоговоритель.

До Сильвии дошло, что на них с До направлен мощный луч прожектора.

– В случае сопротивления стреляем на поражение!

Они стояли вдвоем на крыше, в полный рост.

Под лучом прожектора они были как на ладони. Отличные мишени.

– Поднимите руки и положите их на стену!

До ослабил хватку, чтобы отпустить руку Сильвии.

Но она поймала его пальцы, изо всех сил вцепилась и удержала.

– Повторяю, поднимите руки...

Сильвия не слушала. Она шептала До: «Держи меня за руку. Не отпускай.»

Он кивнул и сжал ее ладонь.

Рука у До была теплой, это вселило в нее уверенность.

– Положите руки на стену!

Сильвия подняла свободную руку, где с ладони был смешал свет, родившийся в ночи солнечный зайчик, и припечатала этот свет ладонью к стене.

Ровно в то место, откуда в маяке выходит луч.

«Только держи меня за руку».

– Повторяю, в случае сопротивления стреляем...

Стена под ее ладонью тут же прогнулась, стала гибкой и прохладной, завибрировала.

Сильвия почувствовала пальцами вертикальные дуги – струи дождя.

Стена готова пропустить, спрятать.

Нужно только нащупать самое тонкое место в этом занавесе дождя и пройти насквозь.

«Просто держи меня за руку. Не отпускай».

-... На поражение!

Проскользнуть между струями и протащить за собой До.

Времени на объяснения не было. Сильвия надеялась, что До доверится и пойдет за ней.

Сильвия зажмурилась и сделала шаг прямо в стену, теперь это была стена дождя.

И она потянула за собой До – за руку, которую крепко сжимала.

«Только не отпускай».

Под дождем пальцы становились скользкими, она тянула До за руку изо всех сил, но его ладонь выскальзывала, как будто таяла.

Тогда Сильвия вцепилась в его руку выше, ухватила за запястье, но она все равно ускользала.

Где-то далеко, за дождем, что-то кричали, потом раздались короткие очереди приглушенных дождем звуков.

Потом рука До судорожно задергалась в ее руке и резко вырвалась.

Сильвия шарилась вслепую под дождем, пытаясь еще поймать его за руку.

Ее там уже не было.

А потом весь тот мир, что остался у нее за спиной, стал исчезать.

Он как будто гас, отключался.

Ткань реальности истончалась, становилась прозрачной, невесомой.

Все, что только что было твердым и реальным, расплзлось на нитки и растворялось.

Реальным теперь был только дождь. Стена дождя. Струи воды, окружавшие Сильвию со всех сторон. Проникавшие в нее, заполнявшие ее тело, мозг, легкие.

Вода протекала сквозь нее, была внутри и снаружи. Она была материей, из которой создается вселенная.

И Сильвия была ее частью.

Тонкой струйкой, готовой раствориться в мощном потоке воды, в этой прослойке между мирами, но стена дождя начала вдруг твердеть.

Струи воды густели, превращались в желе, а потом в похожую на лед массу. С обеих сторон появлялись, формировались прозрачные кирпичи-пластины, складывающиеся в ровные ряды и надвигавшиеся на Сильвию.

Еще чуть-чуть и Сильвия оказалась бы замурованной в ледяную стену, через которую собиралась пройти насквозь.

Собравшись, она вытолкнула себя из твердеющей стены вперед.

За ее спиной стена со звоном сомкнулась.

Сильвия рухнула куда-то вниз. Так падают, оступившись, в неглубокий бассейн без воды.

Часть вторая

Глава 5. Девятая палуба

Паром качало так, что приходилось упираться руками в стены коридора.

Ильви перенесла вес на правую ногу и тут же впечаталась плечом в стену, прямо между дверями кают. На предплечье теперь останется синяк, обидно как.

Пол дрожал и выпрыгивал из-под ног. Стены кренились то вправо, то влево.

Бортовая качка. Наверняка, из-за шторма, было же предупреждение по громкой связи, но она проигнорировала и вот тебе – пожалуйста.

Ильви резко бросило вперед. Она пробежала пять шагов, в полуприсяде. Колени подогнулись, плечи и голова сгруппировались.

9082-9090,
стрелка вперед.

Не налететь на стену, не удариться, не убиться. Не порвать платье.

Чуть-чуть не успела упереться ладонями в пролетающие с обеих сторон стены с дверями, поэтому зацепилась за что-то левым локтем.

Руку тут же прошел электрический заряд – задела локтевой нерв дверной ручкой, то еще удовольствие.

9029-9037,
стрелка направо.

Разворот в пояснице. Тело проходит поворот боком, правым плечом вперед. Следом локоть, а потом и кисть. Рука описала дугу, рассекая воздух, напрягся каждый мускул.

В тот момент, когда Ильви уже летала лицом вниз, прямо в грязно-желтое ковровое покрытие с коротким ворсом, ее пальцы зацепились за косяк очередной каютной двери.

Только бы выбраться уже из лабиринта коридоров, с их узкими стенами. Попасть на открытое пространство палубы, где лифты и центральная лестница-трап.

Хотя там, наверняка, летает незакрепленная мебель. А здесь мебели нет, только закрытые двери чужих кают, а летает вместо них она – как воробей, попавший в систему канализационных труб.

9051-9060,
стрелка налево.

Все до одной двери вокруг – заперты. Никто не покидает своих кают. Видимо, всех пассажиров парома прижала морская болезнь.

А вот Ильви, на удивление, прижал дикий утренний голод, и ничто не мешает ей добраться до ресторана-буфета, где накрывают завтраки.

Нужно только дойти до площадки с центральным трапом и спуститься на одну палубу вниз.

Пассажирские паромы все устроены примерно одинаково. Они – как многоэтажки отелей, вырванные из городского асфальта и брошенные в морские воды.

Ильви сейчас носило качкой по коридорам девятой палубы одиннадцатипалубного судна.

9073-9089,
стрелка вперед.

Это как девятый этаж десятиэтажного отеля.

Верхняя, одиннадцатая палуба – можно сказать, крыша корабля. Там капитанский мостик и открытая вертолетная площадка.

Десятую палубу почти полностью занимает корабельная команда и обслуживающий персонал. Там служебные каюты, технические помещения, корабельная кухня.

С девятой по пятую – палубы для пассажиров. Каюты. Магазины. Рестораны. Детские и взрослые развлечения всех видов.

Ниже уже проходит ватерлиния. А под водой: две автопалубы и машинное отделение, с прослойкой пассажирской палубы номер два, с самыми дешевыми номерами без иллюминаторов.

9009-9018,
стрелка направо.

Огромный одиннадцатизэтажный отель прыгал на невидимых Ильви волнах, сотрясаясь всем корпусом. Подлетал вверх, а потом с размаху ухал вниз носом, зарывался в воду.

На Ильви надвигались то стены, то потолок. Пол уходил из-под ног во время крена. Держаться в вертикальном положении было все труднее.

Хорошо еще, что пока не проявилась морская болезнь.

Зато от голода прямо сосало под ложечкой. Тупая ноющая боль под ребрами, в районе солнечного сплетения, перебивала даже ощущения от ушибленных локтя и плеча. Голод гнал Ильви вперед, к ресторану с завтраком.

9325-9340,
Стрелка направо.

Коридоры, пересекая и меняя друг друга, тянулись во все стороны. Она давно уже должна была выйти к лифтам, но пустые переходы с одинаковыми дверями кают и низкими потолками никак не заканчивались.

«Где уже чертов выход? И почему никто носа не покажет из кают? Я перепутала время? Или всеобщий отказ от завтрака? Ведь был же сигнал. Они всегда так объявляют начало завтрака – дают корабельный гонг. Я, что, одна его слышала?»

Может, заколотить в дверь первой попавшейся каюты?

Разбудить любых, совершенно незнакомых пассажиров, сказать: «Ну же, вставайте, засони! Проспите завтрак, да и прибываем мы скоро. Через полтора часа паром уже пришвартовуют к берегу. Вы что все? А собирать вещи? А суетиться? А бегать по палубе туда-сюда? А высматривать берег? А доставать стюардов тупыми вопросами на всех языках? Кто, черт вас подери, будет все это делать?! Пора уже начинать. Выходите из своих кают, открывайте запертые двери. Ваша утренняя суeta, ваш шведский стол в ресторане уже ждут вас!»

9034-9042,
стрелка вперед.

Ильви вылетала из коридора, как пробка из бутылки. Повисла на перилах лестницы-трапа. Качка резко прекратилась.

В холле и на главной лестнице – также пусто. Никого.

«Наверное, я просто одна на этой палубе», – вдруг дошло до нее.

Ильви подошла к пассажирским лифтам, перевозившим обычно людей по палубам парома, со второй до десятой, и наоборот.

Обычно здесьлюдно, эпицентр паромной жизни.

Ильви нажала на общую кнопку вызова лифтов. Никакого эффекта. Кнопка даже не загорелась светом. Неслышно было и гула механизмов, поднимающих кабины.

Ничего.

Ильви уже пошла было к парадной лестнице, повернувшись спиной к дверям лифтов, когда створки одного из них неожиданно разъехались.

Ильви вздрогнула, но вернулась и заглянула туда, где должна была стоять подъехавшая кабина лифта. Но там оказался – снова коридор.

На этот раз глухой, без дверей и иллюминаторов, освещенный пыльными лампочками, свисающими с потолка.

Коридор изгибался, уходил вправо. Его серые бетонные стены кривились все больше. Потолок то снижался до коротко стриженной макушки Ильви, приходилось пригибаться или двигаться на корточках. То вдруг потолок становился таким высоким, что было не видно, откуда вообще льется тусклый ламповый свет.

Как будто Ильви шла внутри громадной спирали. Эта спираль в итоге вывела ее на бетонную площадку с узкой технической лестницей.

На стене синей краской было грубо намалевана цифра «9». Девятая палуба. Ей нужна восьмая.

Ильви пошла по лестнице вниз. Пока спускалась, стена напротив как будто надвигалась на нее тоже, и следующая лестничная площадка становилась все уже и уже, пока не превратилась в узкий карниз вдоль стены. Ильви ничего не оставалось, как ступить на него с последней ступеньки. Лестница всеми своими ступенями тут же отъехала назад, и Ильви оказалась на карнизе стены.

Чтобы попасть на следующий лестничный марш, нужно было пройти по этому карнизу, держась за стену и постараться не оступиться.

Ильви зажмурила глаза, чтобы случайно не посмотреть вниз и сделала первый шаг по карнизу, упираясь ладонями в совершенно ровную, без выступов, стену.

Второй шаг, третий, четвертый, пятый.

Каждый шаг отзывался болью в плече, локте, под ребрами.

Ильви почувствовала, что ее нога опять попала на ступеньку. Открыла глаза, выдохнула с облегчением и перенесла вес тела.

Теперь нужно было спуститься вниз по следующему лестничному пролету, и она окажется на восьмой палубе.

А там как раз и находится ресторан, к которому ее гнал урчащий желудок.

Ильви спустилась по лестнице и... что? Она снова оказалась на той же самой площадке, с которой только что спускалась – с намалеванной на стене синей цифрой «9». Как будто никуда и не уходила, не карабкалась по жуткому карнизу.

Она заглянула за угол – там по-прежнему бетонный коридор-спираль с потолочными лампочками, по которому она сюда пришла.

Ильви в ужасе отшатнулась обратно на площадку и снова пошла по лестнице вниз. На этот раз лестничная площадка не успела стать карнизом, а стала лишь узкой полоской, на которую Ильви прыгнула с отъезжающей уже назад лестницы, а затем не без труда протиснулась на следующий лестничный пролет.

Снова вниз.

И опять она перед той же цифрой «9» с бетонным коридором за ней.

Путь отсюда был только один – вниз. И она снова стала спускаться по лестнице. Понеслась через ступеньки, как будто что-то толкало ее в спину.

На этот раз площадка стала еще шире, а лестница не отъехала.

Ильви пронеслась по ней, проигнорировала выскочившую перед глазами цифру «9» и сразу же проскочила дальше.

Она бежала и бежала вниз, но закончив круг, снова оказывалась на том же самом месте. И начинала все сначала. Снова и снова вниз, с того же самого места.

Вскоре она сбилась со счета, сколько раз ей пришлось спуститься по этому безвыходному лестничному штопору.

Ильви не сдавалась. Рано или поздно лестница выведет ее на нужную палубу. Не может не вывести.

Она бежала по кругу, точнее – по спирали, по зловещей замкнутой спирали, пока совершенно ни выбилась из сил.

Тогда Ильви села на ступеньку, от бессилия уронила голову на колени и заплакала. Живот и горло сводило короткими спазмами.

Ушибов на руках и ногах добавилось, локоть и плечо по-прежнему сильно саднили.

Но все приложенные ей усилия ни к чему не привели.

Когда подняла заплаканные глаза, перед ней на стене вырисовывалась так же неаккуратно нанесенные синей краской цифры.

«10».

Стрелка на дверь.

Дверь была не заперта. Она вывела Ильви на открытую площадку Десятой палубы.

Стоило выйти наружу, тут же окружил туман. Висевшая в воздухе водяная взвесь мгновенно напитала тонкую ткань, платье прилипло ногам.

Ильви вытянула перед собой руку. Кончики растопыренных пальцев тут же растворились в густом облаке тумана.

Видимость – практически нулевая.

Зато здесь – никакой качки, полный штиль. Не слышно даже плеска воды.

Как будто уши тоже заложило туманом. Видимо, звуки глушились этой воздушной ватой и до нее не доходили.

Ильви не слышала даже собственных шагов. Она заставила себя зевнуть, чтобы вернулся слух. Потом топнула со всей силы ногой по железу палубы. Как будто издалека и с явной задержкой до нее дошел глухой стук.

Она максимально напрягла слух. «Должны же быть чайки. Орут обычно, перекликаются. Носятся над паромом. Эй, птицы, подайте голос!»

Тишину нехотя разорвал далекий вопль чайки. Но тоже – как через вату. Ильви старательно вслушивалась в эту бездонную пустоту, и наконец, ей удалось различить далекий приглушенный всплеск воды, скрип цепи или что-то подобное – железо по железу. К одинокому чайачьему крику добавилась далекая птичья перекличка, едва-едва различимая ухом.

Уже что-то.

Вот только звуков человеческого пребывания расслышать, хоть убей, не удавалось.

«Спокойно, девочка, спокойно,» – сказала Ильви самой себе, и начала осторожно двигаться через туман, который уплотнился настолько, что можно было о него споткнуться.

И она споткнулась.

В последний момент каким-то чудом Ильви удалось удержаться на ногах. Как будто туман вытолкнул ее своей плотностью в вертикальное положение.

Тогда она вслепую прощупала правой ногой поверхность палубы. Так делает человек, впервые заходя в незнакомый водоем.

Ничего.

Тогда Ильви присела на корточки рассмотреть, за что она все-таки зацепилась ногой.

Это был канат, аккуратно сложенный в три этажа по спирали. Он был сложен явно человеческими руками. Наверняка, какой-то матрос трудился над ним, следуя специальной инструкции.

Но в тумане-то сейчас ни черта не видно, вот она и налетела на край плотно стянутого канатного пенька.

Ильви села на пенек. Нужно было обдумать свое положение. Ну и отогнать надвигающуюся панику.

Глава 6. Десятая палуба

Проход по открытой части палубы, казалось, был полностью стерт туманом, как ластиком.

«Хожу, как внутри консервной банки со сгущенкой. Ложкой можно есть этот воздух, и завтрака не понадобится».

Она высунула язык и лизнула воздух. Никакой ожидаемой сладости. Скорее, горько-соленый вкус. «Ну конечно, мы же в море все-таки. Сгущенный морской воздух. Наверно, полезно таким дышать». Она набрала полные легкие – так, для пользы дела. Ну и заодно, чтобы успокоить тревожно дребезжащие нервы.

Осторожное движение вдоль борта.

Перед Ильви внезапно возникли, выросли на пути стеклянные двери. И тут же открылись, раздвинулись в стороны.

«Просто датчик движения», – успокоила себя Ильви и сделала шаг вперед.

Двери за спиной закрылись, почти бесшумно, пропустив ее вовнутрь.

Внутри было совершенно пусто, прямо стерильно.

Никакого тумана. Чистый прозрачный воздух. Ильви осматривала пространство, пытаясь зацепиться взглядом хоть за какую-то исходную точку. Белый потолок, белые стены, пол?

По центру прорисовывалась какая-то возвышенность. Что-то вроде бортиков круглого бассейна. Ильви направилась туда.

Приблизившись, она рассмотрела, что внутри бортиков вместо предполагаемой воды возвышалась круглая гора сухого светло-серого песка.

Над этой горой воздух дрожал и колебался, как беспокойная прозрачная вода, как мираж в пустыне.

Ильви подошла еще ближе.

Это был вовсе не бассейн с песком, а нижняя часть гигантских песочных часов.

Стеклянный купол уходил вверх.

Та часть, из которой сыпался песок, был скрыт где-то над потолком.

Песок бесшумно тек из узкого горлышка. Тонкая, почти прозрачная струйка невесомых песчинок. Кружа внутри купола, они переливались разными оттенками, смешивались.

Ильви вдруг показалось, что под песком – черепичные крыши крошечных домиков. Песок бесшумно засыпает их. Что-то смутно знакомое. Она не могла ухватить ускользавшее от нее воспоминание. Наверно, что-то из детства – рождественская стеклянная игрушка с домиками внутри, которую нужно перевернуть, чтобы внутри пошел снег и засыпал хлопьями крыши.

Это оформление интерьера такое? А что здесь есть еще? Неужели ничего?

Дальние стены помещения тоже развернуты в окружность, как в цирке или... в StarLight Palace.

Если это помещение находилось прямо над StarLight Palace – рестораном для вечерних шоу на Девятой палубе парома – тогда все понятно, куда ее занесло.

Нужно выйти обратно, на открытую часть Десятой палубы, обойти вдоль стены и там будет нормальная человеческая лестница, внешний трап, который выведет ее прямо к ресторану с завтраками.

«Совершенно очевидно, – размышляла Ильви, – что с самого начала я перепутала направление, и в итоге забрела в ту часть парома, где обычно не ступает нога пассажира. А завтрак сейчас подают – мало того, что на две палубы ниже, еще и совсем в другой стороне – в носовой части парома».

Теперь она уже точно знала, в которую сторону от двери ей нужно двигаться, чтобы добраться до пункта назначения и съесть там нестерпимо желанные тосты с джемом.

На борту парома, погрузившегося в морской туман.

В компании прекрасных незнакомцев – его пассажиров.

Ильви вышла на открытую палубу и снова погрузилась в туман. Она прошла вдоль стены, спустилась по металлическим ступенькам наружного трапа на две палубы вниз, – по ее подсчетам, – и вновь оказалась в коридоре с дверьми.

Двери здесь были другими – обитые металлом и покрытые сверху пожелтевшей эмалью. Значит, это не один из коридоров, по которым она уже блуждала.

Ильви приказала себе не отчаиваться.

Держа в памяти, что коридор в любом случае должен вывести ее в носовую часть парома, Ильви шла вперед.

Сюда тоже проник туман. Он стелился дымкой по полу.

Двери послушно вырисовывались по левой стороне, все – одинаковые, металлические, бесконечные.

Коридор извивался, плавно поворачивал, тянулся и тянулся.

По всем известным Ильви законам пространства, она должна была уже выйти по нему далеко за пределы парома.

«Зайти бы сейчас куда угодно уже, лишь бы встретить людей».

Ильви взялась за холодную, влажную от конденсата ручку двери справа и потянула ее вниз. Ручка не поддавалась. Ильви потянула ее вверх. На себя. Снова вниз. Никакого результата. Ручка не сдвигалась с места. Тогда Ильви прижалась ухом к холодной, мокрой от тумана двери

и сосредоточенно прислушалась. Ни звука. Как будто за дверью никого нет, да и никогда не было.

Совершенно безжизненная. И как она сразу не заметила? Наверно, это хозяйственный кубрик или какая-нибудь кладовая.

Нужна другая дверь – подающая признаки человеческой жизни за ней.

«Как в дурном сне», – Ильви на всякий случай ущипнула себя за бедро. Это ничего не изменило. Ильви никуда не проснулась.

Паром слегка накренился на правый борт. Неужели снова качка?

Вдруг далеко впереди распахнулась одна из дверей, и кто-то вышел из нее.

Секунду фигура покачивалась на пороге открытой каюты, как перевернутый маятник, видимо, не решаясь выйти, готовая в любой момент вернуться обратно. Потом сделала неуверенный шаг вперед и от очередного толчка паромы упала на колени. Дверь за ней резко захлопнулась.

Паром опять тряхнуло. Мигнули коридорные лампочки.

Ильви ускорила шаг, насколько смогла. Ее мотало неожиданно вернувшейся качкой из стороны в сторону, било о стены, что замедляло скорость движения. Ильви не обращала на это внимания. Она рвалась вперед, изо всех сил всматриваясь в размытый пока, согнутый пополам силуэт и не могла понять, мужчина это или женщина.

Слишком далеко, слишком темно. Ильви хотела крикнуть, позвать, но внезапно у нее перехватило дыхание. Как будто туман проник вовнутрь, заполз ей в горло. Стало невыносимо трудно дышать, и она закашлявшись. Пришлось даже остановиться.

Откашлявшись, Ильви продолжила движение. Фигура впереди уже поднялась и удалялась от нее по коридору.

Ильви видела размытый, уменьшающийся силуэт со спины.

Мужчина или женщина?

Женщина. Скорее всего, женщина.

В длинной белесой одежде, как будто сотканной из проклятого тумана. Это был плащ или палантин, с большим капюшоном, покрывающим голову.

Совершенно готического вида. С той лишь особенностью разницей, что это была готика на проявленной фотопленке, где черный проявился белым. Готика наизнанку.

«Белая Готика», – мысленно назвала фигуру Ильви и поспешила вслед за ней.

Окликнуть не получалось, горло по-прежнему сдавливал спазм.

А меловая фигура, закутанная в длинные одежды с капюшоном, неумолимо удалялась, ускользала от нее по закручивающемуся коридору.

То она была видна почти отчетливо, то расплывалась зыбкой тенью и сливалась со стекающим по полу туманом.

«Наверно, я схожу с ума. Привидения какие-то чудятся. Женщина в белом. Забавно. Кто здесь еще есть?»

Видимо, только призраки и я. Может, я тоже призрак?

Нет. Скорее всего, промерзла в этом тумане и залихорадила. Вон как зубы стучат.»

Ильви положила ладонь на лоб, проверила сама себе температуру.

«Да уж, для приведения я, пожалуй, слишком горяча. Может, у меня просто бред?»

Она ничего не понимала.

Реальность вокруг постоянно как-то странно менялась, перетекала.

Так не бывает в обычной жизни, в том мире, где она жила. Вещи всегда были стабильны, постоянны, произвольно не изменяемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.